

БОЩЕЛЫ "ЦИРКА ДАМЫ"

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

ОТКРЫТИЕ ПИСЬМА НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

(окончание; см. начало в №№14 и 15)

Искусство/наука об искусстве - старинная пара, но наука, всерьез возомнившая себя в этой почтенной паре главной движущей силой просто из-за своих силовых возможностей, организованности и способности к чудовищному бюрократическому распуханию - проблема, наверняка, не только советская, русская или немецкая, а общемировая. Но вряд ли где еще проблема могла доходить до такой остроты и порождать такие анекдоты, как в той точке встречи культурных систем, где находимся мы с Вами, г-н Вир.

Представьте себе картинку. Скажем, Германию - ну, где-то до или даже несколько после 50 года, в которую высадился десант культуртрегеров из-за океана. Причем ничего плохого об этих культуртрегерах как об личностях не скажешь. Они интересуются немецким искусством - особенно новым, неофициальным, посттоталитарным и т.д. Действительно интересуются и настроены в целом скорее благожелательно. Пускай даже вполне благожелательно. Но у них, во-первых, огромные - по меркам Западной Германии времен плана Маршалла - чисто технические возможности, прежде всего финансовые. За ними авторитет демократической системы, идеологии, переселившей тоталитарную - а значит и авторитет искусства их страны и системы. Свободного, современного искусства.

И самое, может быть, главное - опираясь на все на это, наши благожелательные культуртрегеры точно знают, какого именно блага следует им желать теперь немецкому искусству. Еще и потому знают, что переполнены самыми свежими, передовыми и правильными идеями, критериями, убеждениями - они явились сюда горяченькими, нести новое слово в искусстве.

Чуть сдвинем историю, представим себе, что таинственный бум уже разразился. Каким тогда будет это новое слово этих передовых, убежденных, благожелательных людей?

- Ну и где же ваши Поллоки, где ваши Кунинги? Где вообще ваша стихия, немецкая экспрессия? Ваша спонтанность? Ваш мазок сплеча и с разбегу? Не стесняйтесь, давайте нам этого все-го сюда, да побольше - а мы не пожалеем никаких денег. И у вас будут издания, каталоги и монографии, у вас будет жизнь. У вас все будет. Выставки. И будет у вас новое настоящее современное немецкое искусство. Свободное. Мы вам сделаем его - такое как надо. Мы знаем, какого вам надо. И не откладывая...

Разве не похоже, г-н Вир?.. И каким, по-Вашему, могло бы быть это новое немецкое искусство из-под такого мощного покровительства? Известно, что немцы народ упрямый в лучшем смысле этого слова. Но боюсь, в подобных обстоятельствах и среди немцев живо отыскалось бы не так мало немецких поллоков и кунингов, а поскольку немцы народ еще и способный - то и хороших поллоков - но, конечно уж, не таких хороших, как Поллок. Как полагаете, а видно было бы тогда Бойса, Кифера? Юккера? Когда смогли бы они прорезаться сквозь массив такого предположительного бодро организованного современного искусства новой Германии?

Да и вряд ли это только предположения. Думаю, что чем-то подобным пахло, не могло не пахнуть - сюжет, собственно, вечный, независимо от исторических обстоятельств. И Поллок с Кунингом в свое время кого-то раздражали, как совершенно нелепый ответ на законный вопрос: а где ваши пикассо-матиссы? Но если у вас только пахло, а не в нос шибало по русскому выражению таким сюжетом, то это потому, что обстоятельства, не порождая целиком сам сюжет, обострять могут его многократно. Тот прессинг, та инерция, те ожидания знакомого искусства тогда могли быть рыночными - и только. Те предполагаемые культуртрегеры могли быть просто маршанами или коллекционерами, их инерция вкуса была извечная, нормальная, стихийная, но никак не осознаваемая научно и не организуемая, бюрократически целенаправленно. К той инерции, рутине восприятия (а ведь самая мощная инерция - свежая инерция) искусство более или менее притерпелось за столетия - а тут, знаете, нам повезло, что называется.

Повезло, наверно, как никому. Пряником из-под власти советской системы, в свое время так буквально и возглашавшей - где же ваши Рафаэли и Микеланджело, достойные нашей великой эпохи - да угодить фактически под власть системы, тоже достаточно напористо и явственно, если даже и не вслух вопрошающей - так где ваши бойсы, Кто тут ваш Бойс? В крайнем случае - а где ваши новые дикие?

- Чего изволите? Пож-жалуйста. Да сколько угодно...

Возможности же у системы гигантские, доселе невиданные. К этому времени как раз подоспел научный взрыв - и эксцессы и проблемы русско-немецких отношений перемножаются на не менее острые проблемы отношений науки и творчества.

№ 16 1996

Вот тут-то нам и повезло наредкость. Может быть, наука впервые в силу этих сочетаний наложений и путаниц реализовала столь полно свои тайные мечты, авторские комплексы и притязания. Нечто, действительно беспримерное в истории. Впервые такой полный альянс, впервые авторы так обласканы, поскольку так хорошо себя ведут, так оправдывают ожидания, так стараются говорить с наукой на одном жаргоне, так исправно подают и принимают мячики, какие надо науке. Так охотно исполняют предписанное. Телега таки стала впереди лошади, и все поехало назад или в лучшем случае стало топтаться на облюбованном предписанном наукой месте.

Перечитайте, г-н Вир, если нетрудно, афиши хоть выставки "ICKUNSTBO" или "Русского искусства около 90 года" - я говорю, это звучит приглушением. Тут вам не маршаны, не просто так меценаты и спонсоры - движутся серьезнейшие организации, музеи, институты и разные национальные и более-менее государственные культурные структуры. И можно себе представить, как, наделав дел, с ходу тут напортачив, все эти научные лица и организации будут теперь в любом случае отстаивать свои вкусы и рассуждения, пристрастия и предрассудки, знакомства, связи и просто места потеплее - всей своей научной силой. Вместе и по отдельности.

Представить очень даже можно - мы здесь всю жизнь и имели дело с системой именно научно-бюрократической - во всяком случае, в том, что касалось искусства, антураж научности соблюдать рекомендовалось. И научный взрыв, научный пузырь разбухал у нас на глазах. Правда, здешняя наука была откровенной наукой как не знать - не знать того и тех, чего и кого знать не рекомендовано партией. Вот нас, в частности. Печальный факт, но отчетливый и несомненный - как бы ни был он некстати сейчас представителям этой столь прославленной науки. И прославляемой - в том числе и у вас. С вашей ничего такого как будто не случалось - в остальном же сходство, насколько могу судить, впечатляющее, не зря эти науки

так хорошо понимают друг дружку. И если ваша наука не служила Партии, то дело может быть, не сколько в науке, столько в Партии - которой у Вас, слава Богу, последние 50 лет просто не было? По-моему, и всю цену этой науки, и весь экстраординарный, вопиющий характер, который принял положение, на примере одной фигуры Бори Грайса видно с предельной отчетливостью.

Воскресни сейчас сам Бойс и примись Бойс кроить на свой салтык безоговорочно чье-то искусство - например, наше, необходимо было бы возразить и Бойсу. Да кому угодно в таком случае - хоть Сезанну. Хоть Альтдорферу. Эль Греко или Рафаэлю. Как, в общем-то, в истории иной раз и бывало.

Но массированная, образцово организованная немецкая художественная система, истово исповедующая Бойса - она ведь не сам Бойс. И далеко не сам Бойс. Музейная экспозиция не будет адекватна акции - и

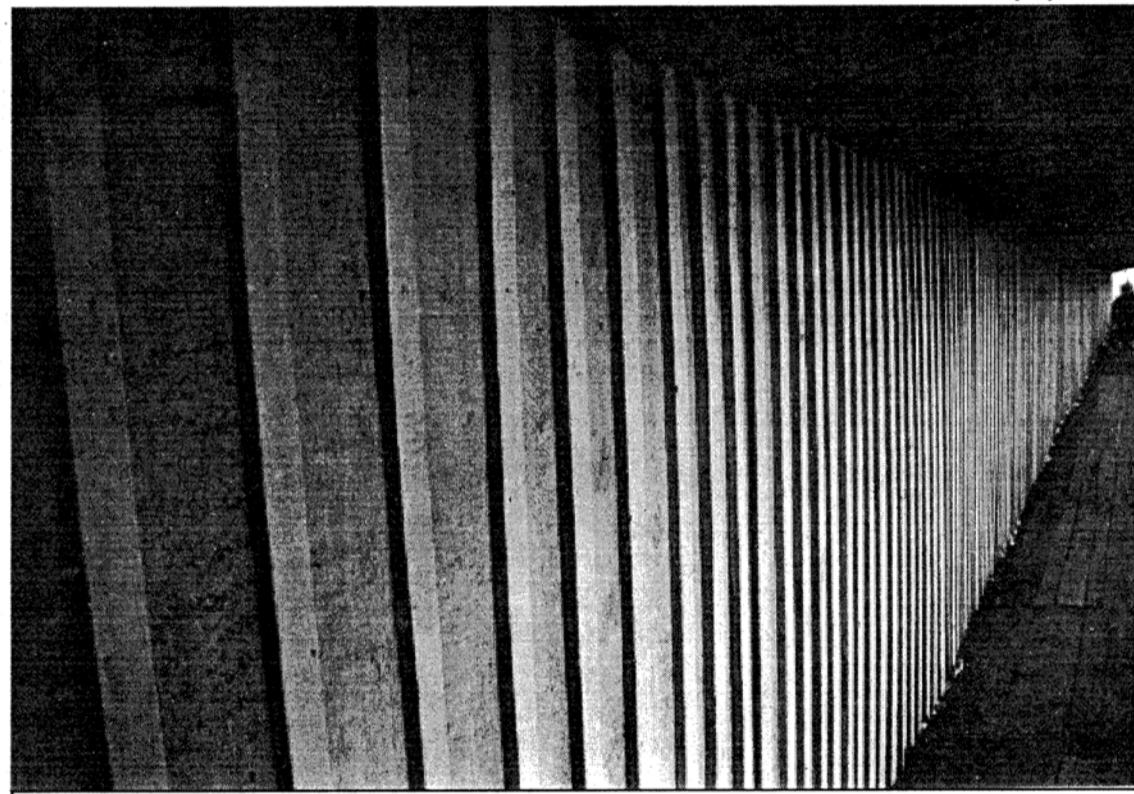
чаще даже так: чем старательней, серьезней ее стараются сделать адекватной, тем дальше она отходит от акции, ее духа и смысла, и тем вредней, опасней становится эта подмена.

Нельзя же это упускать из вида. Не говоря о том, что и Бойс не всегда себе адекватен. Безусловен Бойс там, где максимально выражены бойсовские сущности - охра, войлок, жир как охра, войлок, жир... Но точка максимальной выраженности, реализованности всегда диалектична - точка неоднозначна, относительна именно в силу конечной абсолютности по идее при естественном отсутствии реального конца. Жизнь продолжается, и конечная точка становится отправной. Так пик, апофеоз голого импульса - банки Поллока - одновременно явно одна из отправных точек антиимпульсивного концептуализма. Так и торжество, скажем, материального войлока, просто войлока как материала, его массы, теплоты, глуботы, настойчиво декларируемое торжество не может не обернуться идеей войлока - да еще на родине новой философии...

И само слово сущность уже звучит совершенно по-иному - не в том значении конкретной, простой сущности материала войлока или металла, где художник хозяин и больше чем хозяин - автор... Тут художника уже приглашают в экскурс. Приглашают свеженародившееся отвлеченное значение, приглашают ворде бы на лучших, почетных условиях, приглашают как автора. Так что, кажется, просто и нельзя не принять приглашение, не изведать экскурса - положение автора обязывает, как положение исследователя. Но что-то не так.

То ли настораживает именно некоторая декларативность этой фиксации на точке пика, намеренность - художник у же чуть сыграл здесь за интерпретатора - осторожно ли это? Или наоборот, теперь так и надо? Что ж. Поживем - увидим. То ли отпугивает слегка одномерность этого идеального материала - если идея войлока в материале войлока всегда сидит - хочешь не хочешь, то обратного хода может и не найтись. Идея так идеей и останется, и придется работать с идеальным как с материалом. А может быть, этот оксюморон и смущает? Действительно, уж очень радикальный переворот для какого-угодно гения. Придется с нуля, собственно, создавать не больше не меньше, как всю технику подобной работы - работы с материалом идей. Идеями, концепциями как с материалом искусства. В том числе, и технику безопасности.

И вот с этим-то и будут проблемы. Это будет задача. Лет на 30, и больше. Тема это явно, что называется, выходит за рамки данного текста - скажу только, что на мой взгляд, чем действительно интересен столь попу-

Сергей Осмачкин. Из серии "Разговоры ни о чем". 1995-1996.